

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2022.28.3.9149

EDN: AQUFFI

С.С. МАЛИНОВСКИЙ¹, Е.Ю. ШИБАНОВА¹

¹ НИУ «Высшая школа экономики».

101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ ЗАВЕРШЕНИЯ ЭКСПАНСИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ¹

Аннотация. Произошедшие за последнее десятилетие структурная консолидация вузовской сети, сокращение коммерческого сегмента и перераспределение образовательных потоков в пользу профессионального образования позволяют говорить о завершении этапа экспансии высшего образования в России. Цель статьи — поиск возможных объяснений и анализ макроуровневых факторов данного феномена в русле экономического, социологического и политико-экономического подходов. Опираясь на данные статистики и социологических мониторингов, авторы показывают, что снижение охвата обусловлено сокращением предложения высшего образования, снижением финансовой доступности и изменением экономической эффективности образовательных стратегий. Снижение участия в высшем образовании произошло за счет менее обеспеченных и образованных семей, переориентирующих спрос на среднее профессиональное образование. Сокращение заочных вузов и филиалов, вузовская поляризация усиливают социальную дифференциацию образовательных ожиданий и возможностей. Стратификация и профессионализация третичного сектора образования также рассматриваются как часть эволюции консервативной политико-экономической модели в России.

Ключевые слова: третичное образование; высшее образование; охват высшим образованием; экспансия высшего образования; доступность высшего образования; равенство образовательных возможностей.

Для цитирования: Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю. Причины и факторы завершения экспансии высшего образования в России // Социологический журнал. 2022. Том 28. № 3. С. 8–37. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.3.9149 EDN: AQUFFI

¹ Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-325).

В послевоенный период третичный сегмент образования стремительно расширялся во всех макрорегионах мира, что позволило говорить о глобальной экспансии и формировании систем с массовым и универсальным охватом высшим образованием [55]. Среди причин экспансии называют императивы государственного строительства и конкуренции на фоне холодной войны [54], развитие государств всеобщего благосостояния [52], запросы расширившегося среднего класса [42], глобализацию и организационную рационализацию [51] и т. д. Быстрое расширение охвата высшим образованием характерно и для развитых и для развивающихся стран, в том числе для постсоветских. Фиксация этого глобального тренда стала общим местом как в академической литературе (см., например: [31]), так и в государственной политике многих стран [50]. Понятие *экспансии* применительно к образованию общеупотребимо, однако не является терминологически точным, так как предполагает расширение, распространение за некие изначальные или заданные пределы, а также расширение сферы влияния. В данной работе под экспансией понимаются высокие темпы количественного расширения высшей школы, прежде всего измеряемого показателями охвата населения высшим образованием.

Существенно меньше внимания уделяется исследованиям причин завершения экспансии и даже обратного процесса сокращения охвата высшим образованием. При этом рост участия в образовании не является линейным и стабильным трендом. Например, темпы роста охвата высшим образованием стали снижаться в последнее десятилетие в странах Европы и Северной Америки, Юго-Западной и Центральной Азии [42].

В постсоветский период Россия заняла лидирующие в мире позиции по охвату населения третичным образованием, то есть высшим и средним профессиональным образованием (СПО). Однако за последнее десятилетие произошли структурные изменения, которые позволяют говорить о завершении этапа экспансии и о стабилизации охвата высшим образованием. Цель статьи — описание данного тренда и анализ его возможных причин.

В чем заключается проблематичность данной ситуации? Высшее образование является ключевым источником высококвалифицированных кадров и технологического развития в современной экономике знаний. Сокращение охвата снижает человеческий капитал страны с учетом того, что высшее образование обеспечивает наибольшую индивидуальную (то есть выраженную в зарплатной премии) и общественную (выраженную в налоговых поступлениях) экономическую отдачу. Это особенно актуально для России, где экономическая отдача от высшего образования в несколько раз выше, чем от СПО [43]. Кроме этого, высшее образование является ключевым источником социальной мобильности, и сокращение охвата, как правило, сказывается на менее образованных и обеспеченных семьях. Наконец, выход России из демографической ямы будет увеличивать нагрузку на третичное образование. По среднему варианту демографического

прогноза, релевантная когорта² вырастет на 34% к 2034 г.³, что создает риски для реализации конституционного права на высшее образование и законодательной гарантии обеспеченности бюджетными местами.

С учетом комплексности феномена авторы данной работы проводят полидисциплинарный анализ макроуровневых факторов с использованием предпосылок и гипотез разных подходов: экономического, социологического и политико-экономического. Предлагается решение нескольких задач:

- во-первых, анализ изменений структуры охвата высшим образованием в России в динамике за последнее десятилетие и описание изучаемой проблемы;

- во-вторых, определение базовых предпосылок используемых подходов и обобщение результатов релевантных исследований российского контекста;

- в-третьих, анализ макроуровневых факторов происходящих изменений через призму выбранных подходов на основе данных, обладающих репрезентативностью в масштабах всей страны.

Для анализа использованы данные федеральных выборочных статистических наблюдений, статистических форм ВПО-1 и СПО-1, «Мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования Минобрнауки РФ» (далее — МЭВ), «Мониторинга экономики образования» (далее — МЭО), «Мониторинга качества приема в вузы» (далее — МКП), опроса о социальном самочувствии населения («Готовность к переменам», 2020)⁴, опроса выпускников 11-х классов российских школ («Опрос абитуриентов», 2020)⁵.

Изменение охвата высшим образованием в России за последнее десятилетие

Эволюция высшего образования в России, в том числе участия в высшем образовании, является производной от социальных макро-

² Здесь и далее в качестве релевантной используется возрастная когорта 17–25 лет.

³ Расчеты авторов по данным демографического прогноза Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285>

⁴ Проект НИУ ВШЭ «Анализ рисков социальной напряженности и предложения по мерам политики, направленным на повышение социальной устойчивости» (2020 г.); сентябрь — октябрь 2020 г., N = 6000, россияне в возрасте 15–72 года.

⁵ Материалы подготовлены в рамках проекта «Мониторинг экономики образования», реализуемого в соответствии с Тематическим планом научно-исследовательских работ и работ научно-методического обеспечения, предусмотренных Государственным заданием НИУ ВШЭ на 2020 г.; июнь — июль 2020 г., N = 3000, выпускники 11-х классов российских школ.

процессов [53]. В исторической перспективе динамика охвата высшим образованием представляла собой череду экспансивных взлетов и постепенной стабилизации. В период после Октябрьской революции развитие высшей школы определялось задачами кадрового обеспечения плановой экономики и новой социальной инфраструктуры. В 1930-е гг. резкий рост числа вузов, появление рабочих факультетов, формирование сети отраслевых институтов, массовый запуск заочных программ обусловили расширение охвата высшим образованием. В 1956 г. была отменена оплата обучения в старшей школе, средних специальных и высших учебных заведениях, а в 1958 г. закреплено восьмилетнее обязательное образование. Последующий рост числа школьников, выход на послешкольную образовательную траекторию поколения демографического бума первой послевоенной пятилетки и задачи индустриализации подталкивали расширение охвата высшим образованием. Он удвоился за период 1940–1960 гг., что в основном было обеспечено приемом на заочное обучение. Показатели охвата оставались сравнительно стабильными с 1960-х гг. вплоть до середины 1990-х. Широкая доступность высшего образования в СССР была де-юре закреплена в Конституции 1977 г., гарантирующей бесплатность всех уровней образования.

После распада СССР начался период наиболее активной экспансии высшего образования в России. Новый закон об образовании, появление частных вузов и платного образования, массированное открытие филиалов в регионах и вновь стремительный рост заочного сегмента привели к значительному расширению предложения высшего образования. С середины девяностых до начала второй декады XXI в. относительный охват высшим образованием релевантной когорты увеличился двукратно (рис. 1).

Постепенное снижение охвата высшим образованием и переход к этапу стабилизации являются ключевыми характеристиками трансформации третичного образования последнего десятилетия и имеют несколько измерений.

Во-первых, сократилось число мест на программах стартовых ступеней (бакалавриат и специалитет) относительно релевантной возрастной когорты: с 35% в 2010 г. до 28% в 2021 г. (рис. 1). За этот же период численность студентов снизилась более чем на треть. Несмотря на сохранение мифа о всеобщем высшем образовании, по доле лиц с вузовским дипломом Россия находится на среднем для стран ОЭСР уровне и уступает наиболее развитым странам [3].

Во-вторых, происходит профессионализация третичного образования, выражающаяся в постепенной переориентации образовательных потоков после основной школы в пользу СПО. За время существования СССР и в первые годы после его распада динамика приема в СПО была схожей с динамикой высшего образования. Начиная

с 2000-х гг. темпы прироста в СПО стали опережать прирост высшего образования. Именно прием на профессиональные программы позволил России выйти в мировые лидеры по охвату третичным образованием. Распространенность высшего образования постепенно ослабевает как в абсолютных, так и в относительных значениях, и, соответственно, продолжается расширение СПО.

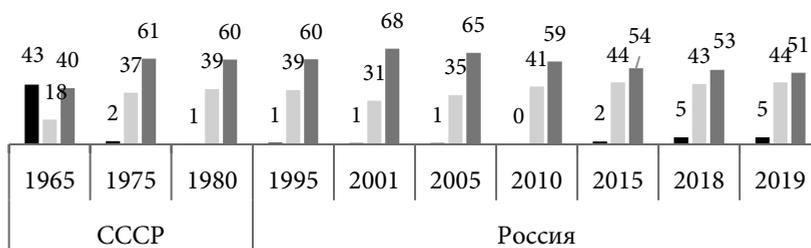
Рис. 1. Охват высшим образованием и численность студентов вузов в РСФСР и России, 1940–2020 гг.

Примечания: 1. Охват высшим образованием (отношение численности студентов к численности возрастной когорты 17–25 лет, левая ось) и численность студентов (правая ось) — по данным Госкомстата, Росстата, статистических сборников «РСФСР за 50 лет» ЦСУ при Совете министров РСФСР; «Народное хозяйство в РСФСР», «Индикаторы образования» ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.

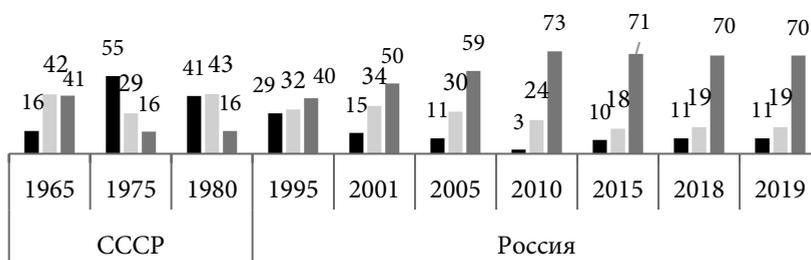
2. Валовой охват третичным образованием (левая ось, GTER (gross tertiary enrollment ratio)) — по данным Всемирного банка, данные за 2010, 2019 и 2020 гг. отсутствуют.

За последние 20 лет больше чем на треть выросла доля выпускников 9-х классов, выбирающих СПО для продолжения образовательной траектории, а не «академический» трек старшей школы (рис. 2). Для сравнения: во времена позднего СССР при постепенном росте контингента старшей школы (40% восьмиклассников продолжали обучение в старшей школе в 1965 г., 60% — в 1980 г.) снижалась доля старшеклассников, поступающих в вузы (с 41% в 1965 г. до 16% в 1980 г.). Выпуск из старшей школы был ключевой точкой образовательной траектории, а доступ в вузы был высокоселективным. В современной России ситуация меняется: поток в старшую школу сокращается при сохранении общей сравнительно невысокой конкуренции вузовского приема. В вузы поступают 70% старшеклассников, поэтому продолжение образования после основной школы стало ключевой точкой дифференциации образовательных траекторий (рис. 2).

Выпускники основной школы (8-й класс в СССР и 9-й класс в России)

Выпускники старшей школы (10-й класс в СССР и 11-й класс в России)

- Рынок труда
- Профессиональный трек (СПО)
- Академический трек (11-й класс или высшее образование)

Рис. 2. Траектории выпускников основной и старшей школы в СССР и России, 1965–2019 гг., %

Источник: По данным статистических сборников «Движение населения в СССР. 1960–1980 гг.», «Индикаторы образования» ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, а также [19].

СПО перестало быть только обходным маневром и приобрело самостоятельную привлекательность [9; 14]. Факт перераспределения потоков после основной школы в пользу учреждений СПО отмечается во многих исследованиях (см., например: [11]), однако причины этого феномена полностью не определены.

В-третьих, изменилась структура охвата для разных сегментов (коммерческий, бюджетный), форм обучения (очная, заочная) и ступеней высшего образования.

На фоне Болонского процесса меньше чем за десятилетие доля магистров в студенческом контингенте увеличилась с 3 до 12,5–13%⁶. Большинство магистров обучаются за бюджетные средства. С учетом того, что норма федерального закона по обеспеченности бюджетными местами распространяется на все ступени высшего образования, происходит перераспределение государственного финансирования в пользу магистратуры. Соответственно, количество бюджетных мест, предполагающих старт образовательной траектории в вузах, сокращается. В целом обеспеченный государственным финансированием охват высшим образованием стартовой ступени релевантной когорты в России составляет 12,9% (2020 г.), что немного меньше, чем во времена позднего СССР⁷.

Сократился коммерческий сегмент высшего образования. Снизились численность обучающихся платно и количество частных вузов, прежде всего из-за существенного сокращения заочного и очно-заочного образования. Доля студентов на этих формах обучения к пику постсоветской экспансии (2009–2010 гг.) превышала долю обучающихся очно. На фоне сжатия сети по данному показателю Россия почти вернулась к значениям перестроечных лет (рис. 1).

В-четвертых, можно говорить о тренде консолидации рынка высшего образования.

Активная государственная политика последнего десятилетия среди прочего привела к сокращению числа вузов. В результате кампании по борьбе с «псевдообразованием» число организаций высшего образования в России сократилось в 2 раза за 2012–2019 гг., прежде всего за счет частных вузов, филиалов и заочного сегмента⁸. Государство сделало ставку на структурно-функциональную реорганизацию сети через конкурсные процедуры усиления отдельных групп университетов, наделенных задачами макрорегионального лидерства, ускоренного инновационного развития, глобального позиционирования, регио-

⁶ По данным формы ВПО-1.

⁷ В 1989 г. 15,9% релевантной возрастной когорты были обеспечены местами в вузах за счет государства. Расчеты авторов по данным Росстата и Госкомстата.

⁸ По данным формы ВПО-1.

нального развития. Данная политика опиралась на поддержку модели многопрофильного, «классического» университета, концентрацию финансирования и символического статусного капитала, дифференциацию управленческой автономии.

В результате произошли структурная консолидация вузовской сети, концентрация предложения программ высшего образования в крупных государственных вузах. Например, в 2012 г. в крупных государственных вузах обучались 8% всех очных студентов страны, в 2019 г. — уже 16,3%⁹. Усиливается разрыв между ведущими университетами и массовым сегментом, формирующий вертикальную стратификацию вузовского ландшафта. В 53 ведущих университетах¹⁰ сосредоточены 21% всего студенческого контингента государственного сектора, 29% всех магистров в стране¹¹ и непропорционально большая доля финансирования [1]. Разница в качестве приема между ведущими университетами и остальными государственными вузами составляет десять баллов¹².

Институциональная консолидация усиливает региональные диспропорции. На фоне снижения охвата высшим образованием в стране в целом «регионы-магниты» (например, Москва, Санкт-Петербург, Томская и Новосибирская области, Республика Татарстан и др.) не снижали или даже увеличивали охват высшим образованием. Чуть больше половины студентов в России обучаются в вузах, расположенных в городах-миллионниках. Крупные университетские центры отличаются не только масштабностью охвата образованием, но и качеством образования, измеряемым уровнем селективности вузов региона [13].

Экономическая перспектива

С экономической точки зрения охват высшим образованием определяется равновесным балансом спроса и предложения образовательных услуг. Высшее образование — это экономическое благо, имеющее инвестиционную отдачу в виде зарплатной премии к полученным

⁹ Расчеты авторов по данным МЭВ. Под крупными вузами понимаются университеты, в которых обучаются более 15 000 студентов.

¹⁰ Приказ Минобрнауки России от 30.10.2015 № 1272 «О Методике определения нормативных затрат на оказание государственных услуг по реализации образовательных программ высшего образования» относит к категории ведущего вуза следующие организации: федеральные, национальные исследовательские университеты, МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, а также перечень вузов, приведенный в Указе Президента РФ от 09.09.2008 № 1332 с учетом дополнений.

¹¹ Расчеты авторов по данным МЭВ, 2019 г.

¹² В терминах среднего балла ЕГЭ для приема в вуз. По данным МКП, 2020 г.

навыкам и компетенциям. Затраты на обучение и экономическая отдача по разным уровням третичного образования формируют спрос на высшее образование, что, в свою очередь, определяет расширение или сжатие рынка образовательных услуг и, соответственно, охват высшим образованием. Кроме этого, важнейшую роль играет государство, регулирующее качество и количество предложения образовательных услуг, в том числе через лицензирование и бюджетное субсидирование.

В экономической перспективе стабилизация показателей охвата в России является следствием сокращения предложения высшего образования. В контексте воздействия регулятора сократилось предложение коммерческого высшего образования, в первую очередь в сегменте наименее селективных вузов, филиалов и заочных программ, которые были основными поставщиками дипломов по низкой стоимости. Снижение предложения связано не только с уменьшением объема реализуемых услуг, но и с повышением стоимости обучения. На фоне снижающихся реальных располагаемых доходов населения [12, с. 59] стоимость платного высшего образования относительно годового среднедушевого дохода за декаду увеличилась в 1,5 раза (рис. 3). Сопутствующие расходы на высшее образование (учебная литература и принадлежности, компьютерная техника, транспорт) с 2010 по 2017 г. выросли в 1,5 раза — до 6% относительно среднедушевого дохода¹³. По данным опросов, высокие затраты на обучение — наиболее распространенная причина отказа от высшего образования (МЭО, 2020).

В то же время меняется экономическая эффективность разных образовательных стратегий. Росту относительных затрат на обучение сопутствует сокращение экономической отдачи от высшего образования [43]. При неразвитом институте образовательного кредитования из-за роста относительной стоимости высшее образование на коммерческой основе стало недоступным для большего числа семей. Так, например, не более трети населения заявляют о возможности инвестировать дополнительно даже 5–15% дохода семьи для получения их детьми более качественного образования (см. «Готовность к переменам, 2020»). При этом в среднем по стране стоимость высшего образования вместе с сопутствующими расходами составляет почти половину среднедушевого годового дохода.

Сокращение предложения, изменение экономической эффективности и финансовые ограничения стимулируют изменение обра-

¹³ Расчеты авторов по данным МЭО. Отношение годовых средних сопутствующих расходов на учебу в вузе к среднедушевому годовому доходу составило 4% в 2010 г., 7% в 2015 г., 6% в 2017 г. Для учебы в СПО соответствующий показатель составил 4% в 2010 г., 4% в 2015 г. Для оценки сопутствующих расходов использовался вопрос: «Вспомните, сколько примерно денег ваша семья потратила в этом учебном году на все статьи, необходимые для учебы?»

зовательных стратегий. Одним из возможных ответов на сокращение предложения может быть отложенный спрос. Однако против данного предположения говорит тот факт, что за последнее десятилетие доля выпускников школ, поступающих в вузы сразу после окончания школы, стабильно высокая¹⁴.

Рис. 3. Средняя стоимость обучения в вузах и учреждениях СПО в абсолютном выражении и относительно годового среднедушевого дохода, 2011–2020 гг.

Примечание: Правая ось: средняя стоимость среднего профессионального и высшего образования на платной основе, в год, тыс. руб. По данным сборника «Индикаторы образования» ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. — URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/557472415.pdf> (среднее профессиональное образование) и «Мониторинга качества приема в вузы НИУ ВШЭ» (высшее образование). Левая ось: отношение стоимости среднего профессионального и высшего образования в год к среднедушевому доходу за год, в %. Расчет авторов по данным Росстата о среднедушевых денежных доходах населения по РФ. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>

¹⁴ В 2014 г. среди студентов вузов, имеющих школьный аттестат, 76% поступили сразу после окончания старшей школы, в 2021 г. — 81%. Расчеты авторов по данным формы статистического наблюдения ВПО-1.

С большой уверенностью можно предположить, что на фоне изменения конкуренции, баланса затрат и выгод для разных уровней третичного образования СПО становится экономически целесообразной альтернативой высшему образованию в ключевой точке перехода после 9-го класса.

Как и в случае с высшим образованием, отдача от СПО несколько снижалась в последние годы [43]. Однако профессиональная квалификация предполагает стабильные возможности для трудоустройства. Для молодых людей (15–24 года) получение СПО с большей вероятностью связано с трудоустройством, чем получение диплома вуза¹⁵. Сокращение экономической отдачи от года обучения [43] снижает ценность долгих образовательных траекторий. У СПО формируется дополнительное относительное преимущество по сравнению с бакалавриатом и магистратурой: отсутствие необходимости долговременных затрат на образование и ускоренный выход на рынок труда.

Предложение финансируемого из бюджетных средств высшего образования постепенно концентрируется в крупных государственных и ведущих вузах. Высокая неравномерность наблюдается и в региональной обеспеченности бюджетными местами в вузах [7]. Консолидация вузовской сети приводит к усилению конкуренции за бюджетные места. Увеличение бюджетного приема и более низкая конкуренция позволяют СПО перетягивать спрос, особенно по ряду наиболее востребованных направлений, например в сфере информационных технологий [14], и на территориях, где сократилась сеть вузов.

Из-за сокращения сегмента недорогих программ возможностей получить высшее образование по низкой стоимости стало существенно меньше, платный прием концентрируется в крупных и ведущих университетах с более высокой стоимостью обучения. Динамика распределения студенческого контингента по доходным группам (рис. 4) показывает, что для коммерческого приема выросла доля представителей наиболее обеспеченных семей, предъявляющих менее эластичный по цене спрос на высшее образование. При этом почти в 2 раза сократилась представленность двух нижних квинтильных групп. В ответ на сокращение предложения и повышение стоимости обучения спрос на платное высшее образование постепенно сместился в сторону более обеспеченных семей, готовых оплачивать более высокое качество образования. А менее обеспеченные семьи переключили спрос на СПО, в том числе платное, где относительная стоимость росла медленно за последнее десятилетие (рис. 3).

В том числе СПО занимает нишу сократившегося заочного сегмента высшего образования. Как и для заочных программ, для СПО характерны низкая стоимость обучения, возможность совмещения с трудовой деятельностью и меньший уровень конкуренции за места. Зарплатная

¹⁵ По данным сборника «Индикаторы образования» ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2020 г.

премия к заочному образованию в России уступает на 15–17% очным программам [17] и, соответственно, в большей степени приближается к СПО.

Рис. 4. Распределение студентов вузов бюджетного и коммерческого приема в разрезе материального положения их семей (20%-е доходные группы), 2012 и 2019 гг., %

Примечание: Расчеты авторов по данным «Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах» Росстата. Доходные группы определены в отношении к национальному распределению доходов домохозяйств, в которых проживают студенты, в соответствующем году.

Наконец, снижается доля расходов на высшее образование в совокупных расходах государства — с 20% в 2010 г. до 14% в 2019 г. Государственное финансирование высшего образования снизилось в России с 0,8% ВВП в 2010 г. до 0,6% ВВП в 2020 г.¹⁶ Как показывают исследования, при прочих равных условиях, уменьшение ресурсной обеспеченности само по себе может быть фактором снижения охвата высшим образованием [21]. Это может быть актуально и для России, особенно с учетом концентрации финансирования в ведущих университетах и, соответственно, снижения среднего уровня ресурсной обеспеченности в основной части системы высшего образования. При этом доля расходов на СПО остается стабильной. Поддержание ресурсного обеспечения СПО в восприятии населения может повышать качество обучения и, соответственно, экономическую целесообразность инвестирования в профессиональное образование.

¹⁶ По данным сборника «Индикаторы образования» ИСИЭЗ НИУ ВШЭ и Росстата.

Социологическая перспектива

Социологические подходы традиционно фокусируются на характеристиках семьи и социального происхождения индивидов в объяснении дифференциации участия в образовании разных групп населения. В российской научной дискуссии данная проблематика широко представлена, например, изучением социальной детерминированности образовательных траекторий и стратегий избегания рисков [2; 44], сочетания факторов образовательного выбора [4], первичных и вторичных эффектов образовательного неравенства [18], регионального измерения доступности [10; 13], дифференциации вузовского ландшафта в соотношении с социальной стратификацией [40] и др. Соответственно, изменение охвата высшим образованием может быть объяснено динамикой общественных норм и запросов на образование со стороны разных социальных групп, социальными факторами успеваемости и выбора образовательных траекторий.

Сокращение охвата высшим образованием за последнее десятилетие в России сопровождалось постепенным смещением распределения студенческого контингента в пользу наиболее обеспеченной группы населения (рис. 5). Две трети студентов вузов относятся к семьям из двух верхних квинтилей распределения по доходам. Их представленность усиливалась с 2012 г. Одновременно с этим снижение охвата происходило по большей части за счет снижения представленности семей с наименьшим уровнем дохода.

С социологических позиций можно выделить несколько факторов подобной динамики. Во-первых, это дифференциация установок по отношению к высшему образованию для семей с разным социальным положением и культурным капиталом. Высшее образование продолжает быть социальной нормой в России. Более 80% населения хотят, чтобы их дети получили высшее образование («Готовность к переменам», 2020). Однако формируются социально обусловленные разрывы запросов и воспринимаемых возможностей относительно образования. Чем ниже уровень материального положения, тем больше разница между желаемым уровнем образования и оценкой возможностей его получить. По данным опроса, 84% респондентов среди семей с низким уровнем материального положения хотели бы, чтобы их дети получили высшее образование. Однако только 62% представителей данной группы ожидают, что их дети в действительности смогут этого добиться. Почти треть из них считают, что максимально, на что могут рассчитывать их дети, — это СПО (МЭО, 2020).

Во-вторых, можно предположить усиление первичных эффектов образовательного неравенства [28], когда выпускники из более обеспеченных семей в среднем лучше сдают ЕГЭ из-за доступных им образовательных ресурсов [47]. В свете снижения доходов населения и усиления конкуренции за бюджетные места сокращаются возможности малообеспеченных семей инвестировать в хорошую академическую подготовку своих детей, например, через дополнительное образование или оплату репетиторов. Семьям приходится переориентироваться на СПО, традиционно воспринимаемое как вынужденный выбор более слабых студентов [11].

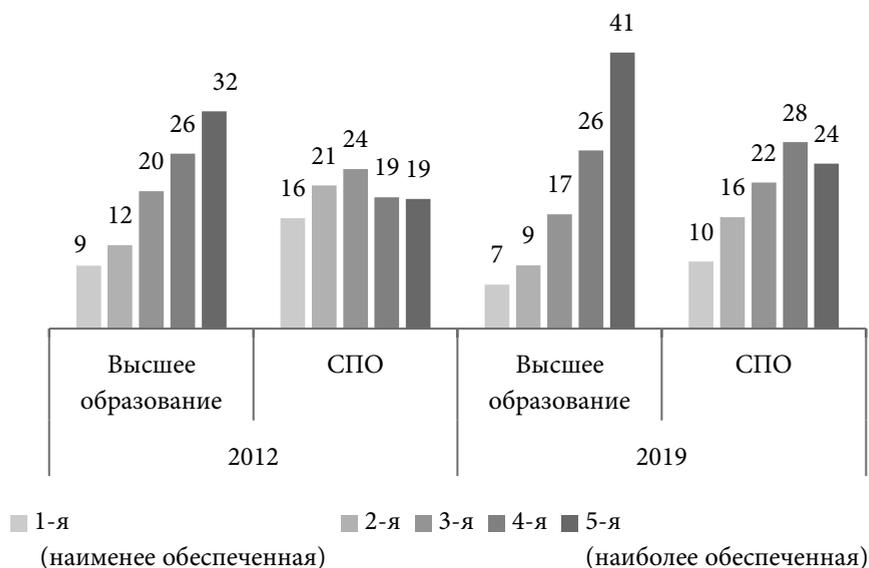

Рис. 5. Распределение студентов высшего и среднего профессионального образования в разрезе материального положения их семей (20%-е доходные группы), 2012 и 2019 гг., %

Примечание: Расчеты авторов по данным «Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах» Росстата. Доходные группы определены в отношении к национальному распределению доходов домохозяйств, в которых проживают студенты, в соответствующем году

В-третьих, изменения структуры охвата третичным образованием можно рассмотреть через призму вторичных эффектов неравенства [28], то есть социально обусловленных различий выбора образовательных траекторий, не связанных с успеваемостью. Одним из важнейших мотивов выбора образования является не столько рациональный расчет издержек и выгод, сколько нацеленность на неснижение социального статуса [29]. Для семей более высокого положения высшее образование имеет бóльшую относительную ценность. У таких семей более высокие образовательные ожидания, лучшая информированность о возможностях и ограничениях поступления в вузы, меньшая склонность избегать рисков непоступления. Менее образованные и обеспеченные семьи склонны придавать высшему образованию меньшее значение и выбирать низкорисковые стратегии гарантированного поступления. Неслучайно выбор траектории высшего образования в России связан сильнее с семейным капиталом, чем с успеваемостью ученика [18]. Подавляющее большинство детей, продолжающих обучение в старшей школе в России, приходится на семьи, где хотя бы у одного родителя есть высшее образование. Студенты из обеспеченных и образованных

семей рассматривают академическую траекторию как автоматическое решение, тогда как менее обеспеченные студенты выбирают ускоренный транзит на рынок труда и во взрослую жизнь через СПО [44].

Снижение доходов населения повышает социально обусловленные субъективные риски выбора траектории высшего образования. Потребительская инфляция в России вносит значительный вклад в падение объективного уровня жизни, а риски повышения субъективной бедности в основном затронули наименее благополучные слои населения [16]. Эти семьи в меньшей степени готовы доплачивать за высшее образование (см. «Готовность к переменам», 2020), что означает ограниченность возможностей для подстраховки в случае неуспешной попытки поступления на бюджетные места. Например, почти половина выпускников из наиболее обеспеченных семей в случае непоступления на бюджет рассчитывают подавать документы на коммерческий прием, а абитуриенты из наименее обеспеченных семей готовы на это только в 7% случаев (см. «Опрос абитуриентов», 2020). Неопределенность, связанная с социальными и экономическими кризисами, дифференцированно влияет на семьи. Почти половина абитуриентов из наименее обеспеченных домохозяйств и менее трети абитуриентов из наиболее обеспеченных семей заявили об изменении планов на поступление в вуз в 2020 г. Именно семьи с низким уровнем дохода сильнее почувствовали на себе снижение доступности высшего образования в последние годы (см. там же).

В этом контексте снижение охвата высшим образованием объясняется переориентацией семей на СПО в качестве канала социальной мобильности с меньшими рисками. СПО позволяет не только не потерять имеющийся социальный статус, но и в перспективе повысить его через поступление в вуз. Обходная стратегия поступления в вуз через СПО позволяет избежать ЕГЭ и отсрочить риски [14]. Среди студентов вузов доля поступивших с дипломом СПО составила 28,5% в 2013 г. и 34,7% в 2019 г.¹⁷ Такая стратегия характерна в том числе для семей, уже обладающих определенным культурным и экономическим капиталом [2]. Поэтому СПО — не всегда безальтернативная траектория, оно может быть предметом целенаправленного выбора.

В-четвертых, социальные факторы дифференциации доступности высшего образования усиливаются институциональной консолидацией вузовского ландшафта. Расширяется социальная поляризация массового и элитного сегментов вузов. Распределение студентов ведущих университетов по социальному положению становится все более смещенным в сторону более обеспеченных (рис. 6) и образованных групп населения (рис. 7).

Подобная поляризация способствует эффективно поддерживаемому неравенству, когда количественное увеличение мест, доступных для получения определенного уровня образования, не приводит к снижению социально-экономического неравенства. Постепенно формируется запрос на более

¹⁷ Расчеты авторов по данным ВПО-1.

качественное высшее образование и магистратуру, особенно со стороны семей с высоким культурным капиталом¹⁸. Чем выше уровень достатка семьи, тем выше притязания по поводу образовательного уровня детей. Для семей среднего класса получение детьми высшего образования — безальтернативный запрос. 42% наиболее обеспеченных домохозяйств предъявляют спрос на высокий престиж университета и специальности, в том числе на обучение за рубежом и постбакалаврские степени. Среди наименее обеспеченных семей доля таких в 2 раза меньше (см.: МЭО, 2020). Концентрация ресурсов и студенческого контингента в ведущих и высокоселективных университетах одновременно означает снижение образовательных возможностей для менее обеспеченных слоев населения.

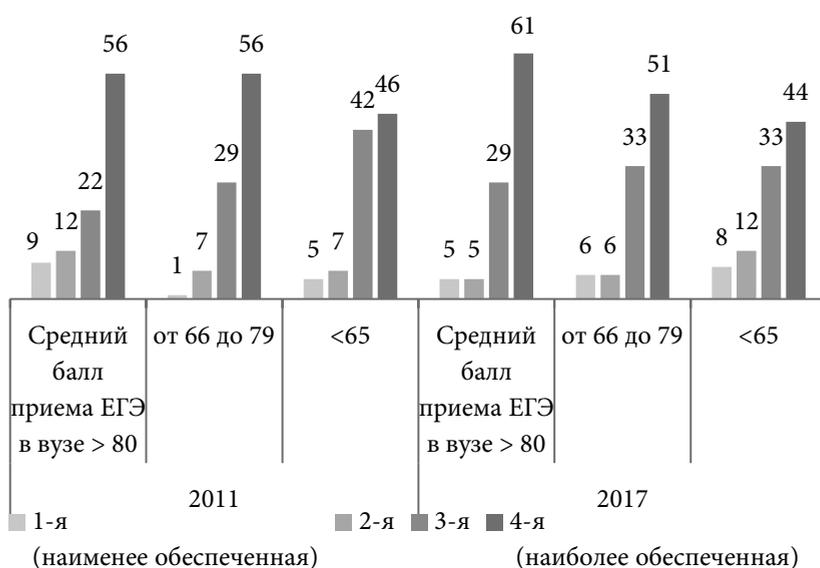

Рис. 6. Распределение студентов вузов с разным качеством приема в разрезе материального положения их семей, 2011 и 2017 гг., %

Примечание: Расчеты авторов по данным МЭО. К 1-й группе относятся студенты, ответившие на вопрос «Как бы вы оценили материальное положение семьи ваших родителей?» следующим образом: «Иногда не хватает денег на необходимые продукты питания» и «На еду денег хватает, но в других ежедневных расходах приходится себя ограничивать», ко 2-й группе — «На ежедневные расходы хватает, но покупка одежды уже представляет трудности», к 3-й — «На еду и одежду хватает, но покупка телевизора, холодильника и т. п. представляет трудности», к 4-й — «Достаточно обеспечены материально, но для покупки автомобиля и дорогостоящего отпуска пришлось бы залезть в долги» и «Материально обеспечены, можем позволить себе дорогостоящий отпуск и покупку автомобиля».

¹⁸ По данным опроса «Готовность к переменам», 2020 г.; распределение ответов на вопрос «Какого максимального уровня образования вы бы хотели, чтобы достигли ваши дети, внуки?» в разрезе образования родителей.

Рис. 7. Распределение студентов вузов с разным качеством приема в разрезе образования родителей, 2011 и 2017 гг., %

Примечание: Расчеты авторов по данным МЭО.

В-пятых, сокращение сети вузов затронуло в первую очередь сегмент массового спроса, в котором концентрировались студенты из менее обеспеченных и менее образованных семей. Особенно это касается заочных программ, которые пользовались наибольшей популярностью среди семей с меньшими ресурсами для подготовки к поступлению, с меньшим культурным капиталом и заинтересованных в раннем выходе на рынок труда [19]. Заочный сегмент являлся важной частью региональной доступности за счет большей представленности в малых городах и возможности удаленного обучения [13]. Его существенное сжатие вместе с возрастанием затрат на образовательную мобильность снизило доступность высшего образования для групп населения, для которых данная форма обучения была зачастую единственной возможностью поступления в вузы.

Наконец, стабилизация охвата обусловлена сокращением возможностей для образовательной миграции в условиях территориальных диспропорций предложения высшего образования. В контексте институциональной консолидации вузовской сети за последнее десятилетие в наименее экономически развитых регионах охват местами в вузах сократился сильнее, чем в среднем по стране. При этом традиционные университетские центры сохранили или даже нарастили показатели охвата [13]. Территориальная концентрация мест в вузах, сокращение филиальной сети и заочного сегмента увеличивают субъективные риски и относительные расходы образовательной миграции. Для семей

из малых городов и сельской местности относительные риски поступления в вузы выше, чем для семей из мегаполиса [2]. Даже ученики с высокой успеваемостью из сельских школ выбирают менее селективные вузы, что во многом определяется региональной концентрацией ведущих университетов [4]. В среднем среди жителей сельской местности преобладает выбор СПО, а в менее урбанизированных регионах меньше доля учащихся на академических треках [10].

Политико-экономическая перспектива

В последние годы развиваются подходы, рассматривающие образование как элемент национальных политико-экономических моделей (например, режимы формирования человеческого капитала, режимы государств всеобщего благосостояния, модели формирования навыков, разновидности капитализма [30; 33; 37; 56]). Данные подходы опираются на идею интегрированных систем, в которых различные общественные сферы, включая образование, и их элементы — взаимодополняемые институты. В этом контексте высшее образование является элементом национальной модели производства навыков, находящейся, в свою очередь, в комплементарной взаимосвязи с другими сферами системы производства и распределения благ в современных капиталистических обществах [37]. Так, масштаб и структура охвата коррелируют с социальной политикой и моделями производства и распределения всеобщего благосостояния [41; 45]. Институциональное устройство высшего образования, в том числе охват, связано с моделью экономической координации [35]. Инвестиции в специфические навыки и профессиональное образование выгодны и работникам, и предприятиям в странах с координированной экономикой и сильной социальной защитой работников. Общие навыки и высшее образование доминируют в либеральных экономиках, где такая защита менее развита [33].

Сформировалась традиция выделения «идеальных» моделей описания подобных взаимосвязей: либеральная (*англо-саксонская*), социально-демократическая (*нордическая*) и консервативная (*корпоративистская, христианско-демократическая*) [37; 56]. При гибридизации элементов разных идеальных типов Россия поступательно сдвигается в сторону консерватизма в модели распределения [27] и в государственной социальной политике [38]. В частности, третичное образование в России постепенно приобретает институциональное устройство, характерное для систем образования в консервативных политико-экономических моделях [41], что может помочь объяснить динамику охвата высшим образованием.

Во-первых, политико-экономические модели группируются в зависимости от комбинации альтернатив распределительной политики, в которой социальное обеспечение и образование могут рассматриваться как субституты [36]. Например, для либеральных режимов

характерно обеспечение *равенства возможностей* через инвестиции в третичное образование (а социальная политика направлена исключительно на самые бедные категории населения). Напротив, консервативные страны делают относительный акцент на *выравнивании условий* через социальное обеспечение и прямые социальные трансферты и в меньшей степени уделяют внимание образованию [22]. Поэтому расходы на все уровни образования относительно ВВП в консервативных моделях наименьшие по сравнению с либеральными или социально-демократическими [36; 56].

В России как расходы на образование, так и расходы на социальные выплаты отстают от среднего уровня по сравнению со странами ОЭСР. Тем не менее тенденции последнего десятилетия как минимум не противоречат гипотезе о формировании консервативного паттерна структуры расходов на разные социальные сферы. Расходы на высшее образование отстают от средних по странам ОЭСР показателей сильнее, чем расходы на социальные трансферы¹⁹. Финансирование социальной политики оставалось сравнительно стабильным в последнее десятилетие, в то время как расходы на высшее образование относительно ВВП снижались²⁰.

Во-вторых, в консервативных странах высшее образование занимает сравнительно меньшую долю в общих государственных расходах на образование. Подобные режимы во многом опираются на интересы среднего класса, поддерживающего консервативные партии, при слабых позициях политических сил, выступающих за повышение образовательного уровня семей рабочих. Средний класс в консервативных режимах не поддерживает массивные государственные инвестиции в высшее образование, а группы с низким социальным положением в наименьшей степени выигрывают от них [37]. Поэтому в целом консервативные партии в наименьшей степени склонны к расшире-

¹⁹ В среднем по странам ОЭСР общие расходы на высшее образование составляют 1,4% ВВП, в России — 1,1% ВВП. Государственные расходы на высшее образование составляют 0,6% ВВП в России и 0,8% в среднем по странам ОЭСР (по данным ОЭСР, 2017 г.). — URL: <https://stats.oecd.org/> (дата обращения 01.08.2021). Расходы на социальную защиту (social protection) оценивают в России в 14,3% ВВП, среднее по странам ОЭСР — 17% ВВП (по данным ОЭСР, 2019 г.). — URL: <https://stats.oecd.org/> (дата обращения 01.08.2021).

²⁰ Расходы на социальные выплаты, пособия и социальную помощь сохранялись на уровне 13% с 2013 по 2018 г. (по данным Росстата). — URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/kfNe7zQE/2019_c\(1\).pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/kfNe7zQE/2019_c(1).pdf)
Общие расходы на образование снизились с 4,9 до 4,2% ВВП с 2010 по 2019 г. Государственное финансирование высшего образования сократилось с 0,8% ВВП в 2010 г. до 0,5% ВВП в 2019 г. (по данным «Индикаторов образования»). — URL: <https://www.hse.ru/data/2021/07/15/1418937988/fo2021.pdf>.

нию расходов на высшее образование и государственной поддержке образовательной экспансии. Политический баланс проецируется на устройство системы образования — стратификацию траекторий и развитие наиболее престижных, элитных университетов, в большей степени доступных для верхнего среднего класса [30].

Государство в России тратит на высшее образование меньше 1% ВВП, что уступает показателям большинства стран ОЭСР. В структуре государственных расходов на образование в России именно высшее образование имеет сравнительно меньшее значение. Это коррелирует с невысоким уровнем охвата высшим образованием в консервативных странах [56] и соответствует массовым ожиданиям населения. Идея массового и бесплатного высшего образования все еще сохраняется как наследие постсоветского политического консенсуса о широком мандате государства всеобщего благоденствия [53]. Тем не менее в настоящее время только 15% населения в России поддерживают приоритетное увеличение расходов на высшее образование; для сравнения: 17% высказались за СПО, 45% — за школьное образование («Готовность к переменам», 2020)²¹.

Кроме этого, концентрация предложения и распределение общественных ресурсов на высшее образование в России можно назвать соответствующей интересам верхнего среднего класса. Государственное финансирование стало в большей степени концентрироваться в университетах, все менее доступных для детей семей низкого социального статуса. В этом же контексте стоит ожидать дальнейшего расширения финансирования постбакалаврского образования и его концентрации в крупных государственных университетах. Снижение государственного финансирования и концентрация ресурсов будут работать на сокращение общего уровня охвата высшим образованием, на усиление вертикальной стратификации вузовского ландшафта и повышение селективности приема в вузы.

В-третьих, координация хозяйственной деятельности, то есть возможность коллективно организованных медиаторов со стороны государства, бизнеса (ассоциаций) или сотрудников (профсоюзов) координировать условия труда вне рыночных механизмов, определяет структуру третичного сектора образования. Консервативные модели характеризуются высоким уровнем координации экономики и защиты трудоустройства, что формирует стимулы для инвестиций в специфические навыки и, соответственно, акцент на профессиональном образовании. При этом страхование безработицы не является приоритетом

²¹ Формулировка вопроса: «Если бы правительство могло увеличить расходы только на один уровень образования, на какой из них, с вашей точки зрения, надо было бы в первую очередь направить дополнительные средства?»

консервативной модели в отличие, например, от социально-демократических стран, которые также стимулируют инвестиции в специфические навыки, но прежде всего через высокий уровень социальной защиты при безработице и политику содействия трудоустройству [37].

Россия сочетает координированный и либеральный подходы — координацию на рынках труда с важностью неформальных правил и дефицитом сильных корпоративистских институций [39]. Как бизнес-ассоциации, так и профсоюзы, сохранившие массовость с советских времен [5], имеют клиентелистское, подчиненное положение, их координационная роль в постсоветский период невысока [32]. На фоне этатизации и патримониализма Россия переходит к модели, в которой рынок встроен в политически индуцированные нерыночные конфигурации [25]. В свете усиления участия в экономике государство играет ключевую роль в поддержании высокого уровня координации на рынках труда [49]. В части защиты занятости Россия вписывается в консервативный паттерн. Российское трудовое законодательство — одно из самых строгих по сравнению со странами ОЭСР²². Российский рынок труда в ответ на экономические кризисы реагирует не через увольнения, а через сокращение заработных плат [34], тем самым поддерживая высокий уровень защищенности занятости. Одновременно с этим в России один из самых низких коэффициентов замещения пособий по безработице [6], а меры активной политики на рынке труда развиты относительно слабо [8].

Таким образом, при усилении координационной роли государства можно предположить усиление привлекательности инвестиций в специфические навыки и профессионализацию третичного образования в России. Постепенный рост популярности траектории поступления в учреждения СПО после школы приближает Россию к группе консервативных стран, в которых доля школьников, обучающихся на профессиональном треке, наиболее высока — в среднем около 60–70% [41].

Наконец, важнейшими характеристиками консервативных режимов являются высокий уровень социальной стратификации и нацеленность на сохранение социальных структур. Опора на сильную консервативную политическую партию в качестве ключевого медиатора между группами интересов способствует формированию центристского правительства и межклассовому консенсусу без высокого уровня распределения. Поэтому для консервативных моделей характерна невысокая степень социальной мобильности [26]. Социальные права, в том числе на образование, и его разное качество де-факто обусловлены социальным классом и профессиональным статусом.

²² Employment Protection Legislation. OECD. iLibrary. — URL: https://www.oecd-ilibrary.org/employment/data/employment-protection-legislation_ifs-epl-data-en (дата обращения 10.10.2020).

Образование — важный источник закрепления социальной иерархии, институционально обеспеченный через сравнительно невысокий уровень охвата высшим образованием, более жесткий трекинг [56], сильную межшкольную дифференциацию [24; 46], большее значение профессионального статуса и образования родителей в дифференциации доступности образовательных возможностей [48].

Для России характерны высокий уровень социального неравенства и стабильный уровень образовательной мобильности [20]. Институциональный дизайн российской образовательной системы — в том числе трекинг, вузовская и школьная дифференциация, финансирование — сближается с консервативными образцами [41]. Частью данного паттерна является поддержание стабильного и сравнительно невысокого охвата высшим образованием, обеспеченного преимущественно государством. Расширение рынка высшего образования не является приоритетом консервативных моделей, так как ведет зачастую к существенной и резкой социальной мобильности. Сокращение числа мест в вузах при расширении приема в профессиональные колледжи делает разделение на профессиональный и академический треки еще более значимым институтом социальной стратификации в России. Вертикальная стратификация вузовской сети позволяет поддерживать социальные привилегии. В этом же направлении действует расширение приема в магистратуру, спрос на которую предъявляют более обеспеченные слои населения. Таким образом, динамика охвата и реорганизация вузовской сети в России соответствуют мандату образования консервативных моделей по поддержанию социальных иерархий.

Заключение

Проблематика массовизации высшего образования хорошо изучена, однако вряд ли это можно сказать про причины завершения образовательной экспансии и стабилизации охвата высшим образованием. В данной статье предпринята одна из немногих попыток систематизации объяснительных конструкций для анализа подобного феномена в России с целью понять, почему завершилась экспансия высшего образования в России и как будет меняться структура охвата в третичном секторе в будущем. Стоит оговориться, что авторы не ставили целью доказательство статистически значимых причинно-следственных закономерностей, и каждое из представленных объяснений требует более сфокусированного, отдельного анализа.

В экономической логике снижение охвата может объясняться сокращением предложения в частном сегменте вследствие воздействия регулятора, уменьшением финансовой доступности и изменением инвестиционной привлекательности высшего образования. Вектор потребления образовательных услуг меняется на фоне падения доходов населения, снижения экономической отдачи от образования, роста относительной стоимости обучения и сокращения ресурсной

базы системы высшего образования со стороны как государства, так и домохозяйств. Семьи с меньшими экономическими ресурсами переключают спрос на программы СПО как альтернативу сократившимся сегментам массового недорогого высшего образования и заочных программ. Более обеспеченные семьи сформировали спрос на качественное платное обучение и имеют возможность инвестировать средства в подготовку к получению престижного образования, в том числе на бюджетных местах.

С социологической точки зрения динамика охвата связана с постепенным вытеснением менее обеспеченных слоев населения из системы высшего образования. При всеобщей желательности высшего образования восприятие возможностей получить диплом вуза социально детерминировано. Экономические факторы усиливают социальные, повышая объективные барьеры и субъективные риски выбора траектории высшего образования, особенно для семей с низким социально-экономическим положением, меньшим культурным капиталом, для жителей малых городов и сельских территорий. С одной стороны, возможности малообеспеченных семей подготовить детей к поступлению на бюджетное место снижаются. Не в последнюю очередь из-за растущей концентрации образовательных возможностей, особенно качественного образования, в больших городах и в сократившемся числе вузов. С другой стороны, такие семьи чаще склонны выбирать учреждения СПО как менее рискованную стратегию и обходной путь в вузы. Сокращение возможностей получения финансово доступного заочного образования, расширение социальной поляризации массового и элитного сегментов вузов, а также региональная неоднородность являются факторами, сдерживающими доступность высшего образования.

Политико-экономические подходы применительно к высшему образованию остаются наименее проработанными в российском контексте. Одна из немногих попыток использования данной рамки позволяет выдвинуть предположение, что структура третичного образования в России тяготеет к логике функционирования консервативной политико-экономической модели. Консервативная модель, основанная на этатизме, все в большей степени приходит на смену институтам активной маркизации первого десятилетия после распада СССР, в том числе в системе образования. Расходы на высшее образование и концентрированная структура охвата отражают интересы среднего и верхнего среднего классов. Политические силы, выступающие за расширение образовательных возможностей для депривированных слоев населения, представлены слабо. Защита занятости и формально высокий уровень координации экономики на фоне укрепления роли государства создают стимулы для большей профессионализации третичного образования. Устройство образовательной системы в целом соответствует консервативной логике социальной стратификации,

в которой дифференциация выбора профессиональных и академических траекторий играет принципиальное значение.

Несколько экономических факторов будут содействовать снижению инвестиционной привлекательности высшего образования в России: амортизация накопленного человеческого капитала, запрос на более быстрое обновление навыков, востребованность более коротких программ и снижение различий между уровнями третичного образования, что стало глобальными трендами [23]. И, напротив, по экономической отдаче от программ СПО Россия уступает многим развитым странам, и есть потенциал для ее роста. При сохранении негативных тенденций в экономике и дефиците предложения недорогих образовательных программ финансовая доступность высшего образования будет продолжать сокращаться. При этом с учетом демографических тенденций без расширения коммерческого приема будет сложно поддержать охват на законодательно закрепленном уровне, не говоря уже о его расширении. Вторичные эффекты неравенства будут усиливаться при расширении бюджетного приема в СПО и повышении селективности приема в вузы. На фоне дефицита финансирования высшего образования можно ожидать дальнейшей концентрации бюджетного приема и усиления вертикальной стратификации вузовского ландшафта. Поляризация академической и профессиональной траекторий, с одной стороны, и поляризация вузов — с другой, будут усиливать социальную стратификацию. Без обеспечения территориальной доступности высшего образования и широких возможностей совмещения работы и обучения СПО станет безальтернативным выбором для наименее обеспеченных слоев населения. Сохранение консервативной политико-экономической модели будет укреплять экономические и социальные факторы сокращения охвата высшим образованием и профессионализации третичного образования.

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ²³

1. *Абанкина И.В.* Финансирование образования: тренд на персонализацию // Журнал НЭА. 2019. № 1. С. 41. DOI: 10.31737/2221-2264-2019-41-1-11 EDN: YZJYIN
2. *Александров Д.А., Тенишева К.А., Савельева С.С.* Мобильность без рисков: образовательный путь «в университет через колледж» // Вопросы образования. 2015. № 3. С. 66–91. DOI: 10.17323/1814-9545-2015-3-66-91 EDN: UKEBEF
3. *Бессуднов А.Р., Куракин Д.Ю.* Как возник и что скрывает миф о всеобщем высшем образовании // Вопросы образования. 2017. № 3. С. 83–109. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-3-83-109 EDN: ZHRDRF

²³ Полный список литературы см. в References.

4. *Богданов М.Б., Малик В.М.* Как сочетаются социальное, территориальное и гендерное неравенства в образовательных траекториях молодежи России? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 392–420. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1603 EDN: NBXFVU
5. *Виссер Й.* Профсоюзы на распутье. Рабочий документ МОТ/ACTRAV. Женева: МОТ, 2020. — 83 р.
6. *Вишневская Н.Т., Зудина А.А.* Экономически уязвимые группы молодежи в странах ОЭСР и России // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 11. С. 99–107. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-11-99-107 EDN: SLYCXV
7. *Габдрахманов Н.К., Лешуков О.В., Платонова Д.П.* Обеспеченность бюджетными местами региональных систем высшего образования с учетом демографических трендов // Университетское управление: практика и анализ. 2019. Т. 23. № 4. С. 32–45. DOI: 10.15826/umpra.2019.04.027 EDN: OOFHZO
8. *Гильтман М.А., Обухович Н.В., Токарева О.Е.* Активная и пассивная политика на российском рынке труда: централизация или регионализация? // Вопросы экономики. 2019. № 6. С. 79–98. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-6-79-98 EDN: ZJZGUQ
9. *Дудырев Ф.Ф., Романова О.А., Шабалин А.И., Абанкина И.В.* Молодые профессионалы для новой экономики: среднее профессиональное образование в России. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 272 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-1937-0 EDN: СВQJGP
10. *Захаров А.Б., Адамович К.А.* Региональные различия в доступе к образовательным ресурсам, в академических результатах и в траекториях российских учащихся // Экономическая социология. 2020. Т. 20. № 1. С. 60–80. DOI: 10.17323/1726-3247-2020-1-60-80 EDN: КТКАЕЛ
11. *Константиновский Д.Л., Попова Е.С.* Российское среднее профессиональное образование: востребованность и специфика выбора // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 34–44. DOI: 10.7868/S0132162518030030 EDN: LAYWBV
12. *Кузьминов Я.И., Орехин П.В., Нетреба П.Н.* Россия в новую эпоху: выбор приоритетов и цели национального развития. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 112 с.
13. *Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю.* Региональная дифференциация доступности высшего образования в России. Серия: Современная аналитика образования. 2020. Т. 13. № 43. — 69 с.
14. *Мальцева В.А., Шабалин А.И.* Не-обходной маневр, или Бум спроса на среднее профессиональное образование в России // Вопросы образования. 2021. № 2. С. 10–42. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-2-10-42 EDN: VFPICX
15. Мониторинг качества приема в вузы: основные итоги 2020 // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» [электронный ресурс]. Дата обращения 13.10.2020. URL: https://ege.hse.ru/stata_2020

16. *Овчарова Л.Н., Бирюкова С.С., Селезнева Е.В., Абаноква К.Р.* Доходы, расходы и социальное самочувствие населения России в 2012–2016 гг. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. — 58 с.
17. *Рощин С.Ю., Рудаков В.Н.* Влияние «качества» вуза на заработную плату выпускников // Вопросы экономики. 2016. Т. 12. № 8. С. 74–95. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-8-74-95 EDN: WIMDMH
18. *Хавенсон Т.Е., Чиркина Т.А.* Образовательный выбор учащихся после 9-го и 11-го классов: сравнение первичных и вторичных эффектов социально-экономического положения семьи // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 4. С. 539–554. DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-4-539-554 EDN: ZVTCLN
19. *Чередниченко Г.А.* Траектории заочников высшей школы в сфере образования и труда // Вопросы образования. 2020. № 3. С. 165–187. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-3-165-187 EDN: NYPTCY
20. *Ястребов Г.А.* Социальная мобильность в постсоветской России: новый взгляд на проблему (с использованием продвинутых методов анализа) // Экономическая социология. 2014. Т. 15. № 2. С. 127–136. EDN: VUZMPL

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Малиновский Сергей Сергеевич — кандидат политических наук, заместитель заведующего, Проектно-учебная лаборатория «Развитие университетов»; эксперт, Центр социологии высшего образования, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (495) 772-95-90, доб. 22296. **Электронная почта:** smalinovskiy@hse.ru

Шибанова Екатерина Юрьевна — младший научный сотрудник, Проектно-учебная лаборатория «Развитие университетов», Институт образования, НИУ «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (495) 772-95-90, доб. 22126. **Электронная почта:** eshibanova@hse.ru

Дата поступления: 23.08.2021.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2022.
VOL. 28. No. 3. P. 8–37. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.3.9149

Research Article

SERGEY S. MALINOVSKIY¹, EKATERINA YU. SHIBANOVA¹

¹ HSE University.

20, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

THE REASONS AND DRIVERS BEHIND HIGHER EDUCATION CEASING TO EXPAND IN RUSSIA

Abstract. The structural consolidation of the higher education network, a diminishing commercial segment, and an increase in vocational training enrollment over the past decade are all signs that higher education expansion in Russia has come to an end. The aim of this article is to find possible explanations and analyze macro-level factors of this

phenomenon from an economic, sociological and political-economic perspective. Based on the statistical and monitoring data, the paper shows that the decrease in enrollment is due to a shortage in higher education programs, limited financial accessibility and shifts in the economic efficiency of educational strategies. Declining participation in higher education seems to be more of a tendency for less affluent and educated families, who are redirecting towards vocational training. A declining number of part-time correspondence programs and university departments, as well as the vertical stratification of the institutional landscape, reinforce the social differentiation of educational expectations and opportunities. The stratification and professionalization of tertiary education are also examined as part of the evolution of the conservative political-economic model in Russia.

Keyword: tertiary education; higher education; educational expansion; enrollment in higher education; equity of access to higher education; tertiary education.

For citation: Malinovskiy, S.S., Shibanova, E.Y. The reasons and drivers behind Higher Education ceasing to expand in Russia. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2022. Vol. 28. No. 3. P. 8–37. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.3.9149

REFERENCES

1. Abankina I.V. Financing of education: trend on personalization. *Zhurnal NEA*. 2019. No. 1. P. 41. DOI: 10.31737/2221-2264-2019-41-1-11 (In Russ.)
2. Aleksandrov D.A., Tenisheva K.A., Savel'eva S.S. No-risk mobility: through college to university. *Voprosy obrazovaniya*. 2015. No. 3. P. 66–91. DOI: 10.17323/1814-9545-2015-3-66-91 (In Russ.)
3. Bessudnov A.R., Kurakin D.Yu. The myth about universal higher education: Russia in the international context. *Voprosy obrazovaniya*. 2017. No. 3. P. 83–109. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-3-83-109 (In Russ.)
4. Bogdanov M.B., Malik V.M. Social, territorial and gender inequalities in educational trajectories of the Russian youth. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2020. No. 3. P. 392–420. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1603 (In Russ.)
5. Visser I. *Profsoyuzy na raspутьe. Rabochii dokument MOT/ACTRAV*. [Trade unions at a crossroads. ILO/ACTRAV working paper.] Geneva: ILO publ., 2020. 83 p. (In Russ.)
6. Vishnevskaya N.T., Zudina A.A. Economically Vulnerable Youth in OECD and Russia. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2018. Vol. 62. No. 11. P. 99–107. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-11-99-107 (In Russ.)
7. Gabdrakhmanov N.K., Leshukov O.V., Platonova D.P. Accessibility of Regional Higher Education Systems in Accordance with Demographic Trends. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2019. Vol. 23. No. 4. P. 32–45. DOI: 10.15826/umpa.2019.04.027 (In Russ.)
8. Gil'tman M.A., Obukhovich N.V., Tokareva O.E. Active and Passive Labour Market Policies on the Russian Labour Market: Centralization or Regionalization? *Voprosy ekonomiki*. 2019. No. 6. P. 79–98. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-6-79-98 (In Russ.)
9. Dudyrev F.F., Romanova O.A., Shabalin A.I., Abankina I.V. *Molodye professionaly dlya novoi ekonomiki: srednee professional'noe obrazovanie v Rossii*. [Young professionals for the new economy: secondary vocational education in Russia.] Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki publ., 2019. 272 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-1937-0 (In Russ.)
10. Zakharov A.B., Adamovich K.A. Regional Differences in Access to Educational Resources, Academic Results and Students' Trajectories in Russia. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2020. Vol. 20. No. 1. P. 60–80. DOI: 10.17323/1726-3247-2020-1-60-80 (In Russ.)

11. Konstantinovskiy D.L., Popova E.S. Russian Secondary Professional Education: Demand and Specificity of Choice. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018. No. 3. P. 34–44. DOI: 10.7868/S0132162518030030 (In Russ.)
12. Kuz'minov Ya.I., Orekhin P.V., Netreba P.N. *Rossiya v novuyu epokhu: vybor prioritetrov i tseli natsional'nogo razvitiya*. [Russia in the New Era: Choice of Priorities and Goals of National Development.] Moscow: Izd. dom Vyssei shkoly ekonomiki publ., 2020. 112 p. (In Russ.)
13. Malinovskii S.S., Shibanova E. Yu. *Regional'naya differentsiatsiya dostupnosti vysshego obrazovaniya v Rossii. Seriya: Sovremennaya analitika obrazovaniya*. [Regional Differentiation of Access to Higher Education in Russia. Series: Modern Analytics of Education.] 2020. Vol. 13. No. 43. 69 p. (In Russ.)
14. Mal'tseva V.A., Shabalin A.I. The Non-Bypass Trajectory, or the Boom in Demand for TVET in Russia. *Voprosy obrazovaniya*. 2021. No. 2. P. 10–42. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-2-10-42 (In Russ.)
15. Monitoring kachestva priema v vuzy: osnovnye itogi 2020. [Monitoring the quality of university admissions: main results of 2020.] *HSE University*. Accessed 13.10.2020. URL: https://ege.hse.ru/stata_2020 (In Russ.)
16. Ovcharova L.N., Biryukova S.S., Selezneva E.V., Abanokova K.R. *Dokhody, rashkody i sotsial'noe samochuvstvie naseleniya Rossii v 2012–2016 godakh*. [Income, expenses and social well-being of the Russian population in 2012–2016.] Moscow: Izd. dom Vyssei shkoly ekonomiki publ., 2017. 58 p. (In Russ.)
17. Roshchin S.Yu., Rudakov V.N. The Effect of University Quality on Graduates' Wages. *Voprosy ekonomiki*. 2016. Vol. 12. No. 8. P. 74–95. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-8-74-95 (In Russ.)
18. Khavenson T.E., Chirkina T.A. Student Educational Choice after the 9th and 11th Grades: Comparing the Primary and Secondary Effects of Family Socioeconomic Status. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. 2019. Vol. 17. No. 4. P. 539–554. DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-4-539-554 (In Russ.)
19. Cherednichenko G.A. Educational and Career Trajectories of Extramural Students and Graduates of Higher Education. *Voprosy obrazovaniya*. 2020. No. 3. P. 165–187. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-3-165-187 (In Russ.)
20. Yastrebov G.A. Social Mobility in the Post-Soviet Russia: A Revision of Existing Measurements by Drawing on Advanced Methods. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2014. Vol. 15. No. 2. P. 127–136. (In Russ.)
21. Agasisti T. Towards “Lisbon objectives”: Economic determinants of participation rates in university education: an empirical analysis in 14 European countries. *Higher Education Quarterly*. 2009. Vol. 63. No. 3. P. 287–307. DOI: 10.1111/j.1468-2273.2008.00416.x
22. Allmendinger J., Leibfried S. Education and the welfare state: the four worlds of competence production. *Journal of European social policy*. 2003. Vol. 13. No. 1. P. 63–81. DOI: 10.1177/0958928703013001047
23. Arnhold N., Bassett R.M. *Steering Tertiary Education*. Washington: World Bank, 2021. 88 p. DOI: 10.1596/36328
24. Beblavý M., Thum A.E., Veselkova M. Education and social protection policies in OECD countries: Social stratification and policy intervention. *Journal of European Social Policy*. 2013. Vol. 23. No. 5. P. 487–503. DOI: 10.1177/0958928713499174
25. Becker U., Vasileva A. Russia's political economy re-conceptualized: A changing hybrid of liberalism, statism and patrimonialism. *Journal of Eurasian Studies*. 2017. Vol. 8. No. 1. P. 83–96. DOI: 10.1016/j.euras.2016.11.003
26. Beller E., Hout M. Welfare states and social mobility: How educational and social policy may affect cross-national differences in the association between occupational origins

- and destinations. *Research in social stratification and mobility*. 2006. Vol. 24. No. 4. P. 353–365. DOI: 10.1016/j.rssm.2006.10.001
27. Bluhm K., Varga M. Conservative developmental statism in east central Europe and Russia. *New Political Economy*. 2020. Vol. 25. No. 4. P. 642–659. DOI: 10.1080/13563467.2019.1639146
 28. Boudon R. *Education, opportunity, and social inequality: Changing prospects in western society*. N.Y.: Wiley, 1974. xxvii, 220 p.
 29. Breen R., Goldthorpe J.H. Explaining educational differentials: Towards a formal rational action theory. *Rationality and society*. 1997. Vol. 9. No. 3. P. 275–305. DOI: 10.1177/104346397009003002
 30. Busemeyer M.R. *Skills and inequality: Partisan politics and the political economy of education reforms in western welfare states*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 326 p. DOI: 10.1017/CBO9781107477650
 31. Cantwell B., Marginson S., Smolentseva A. *High participation systems of higher education*. Oxford: Oxford University Press, 2018. 496 p. DOI: 10.1093/oso/9780198828877.001.0001
 32. Chetvernina T. Trade unions in transitional Russia—peculiarities, current status and new challenges. *SEER-South-East Europe Review for Labour and Social Affairs*. 2009. No. 03. P. 407–431. DOI: 10.5771/1435-2869-2009-3-407
 33. Estevez-Abe M., Iversen T., Soskice D. Social protection and the formation of skills: A reinterpretation of the welfare state. *Varieties of capitalism: The institutional foundations of comparative advantage*. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 145–183. DOI: 10.1093/0199247757.003.0004
 34. Gimpelson V. The labor market in Russia, 2000–2017. *IZA World of Labor*. 2019. No. 466. DOI: 10.15185/izawol.466
 35. Hall P., Soskice D. An Introduction to Varieties of Capitalism. *Varieties of capitalism: The institutional foundations of comparative advantage*. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 1–68. DOI: 10.1093/0199247757.003.0001
 36. Hega G., Hokenmaier K. The welfare state and education: a comparison of social and educational policy in advanced industrial societies. *German Policy Studies*. 2002. Vol. 2. No. 1. P. 143–173.
 37. Iversen T., Stephens J. Partisan politics, the welfare state, and three worlds of human capital formation. *Comparative political studies*. 2008. Vol. 41. No. 4–5. P. 600–637. DOI: 10.1177/0010414007313117
 38. Kainu M., Kulmala M., Nikula J., Kivinen M. The Russian Welfare State System. *The Routledge International Handbook of Welfare State Systems*. Ed. by C. Aspalter. Oxon: Routledge, 2017. P. 291–316.
 39. Kapelyushnikov R., Kuznetsov A., Kuznetsova O. Diversity within capitalism: the Russian labour market model. *Employee Relations*. 2011. Vol. 33. No 4. P. 395–412. DOI: 10.1108/01425451111142693
 40. Konstantinovskiy D. Expansion of higher education and consequences for social inequality (the case of Russia). *Higher education*. 2017. Vol. 74. No. 2. P. 201–220. DOI: 10.1007/s10734-016-0043-7
 41. Malinovskiy S., Shibanova E. Higher education in welfare regimes: Three worlds of post-Soviet transition. *Journal of European Social Policy*. June 2. 2022. P. 1–17. DOI: 10.1177/09589287221101344
 42. Marginson S. The worldwide trend to high participation higher education: Dynamics of social stratification in inclusive systems. *Higher Education*. 2016. Vol. 72. No. 4. P. 413–434. DOI: 10.1007/s10734-016-0016-x
 43. Melianova E., Parandekar S., Patrinos H., Volgin A. *Returns to Education in the Russian Federation: Some New Estimates*. Washington: World Bank, 2020. 44 p.

44. Minina E., Yanbarisova D., Pavlenko E. Educational choice of Russian high school students in grade nine. *International Studies in Sociology of Education*. 2020. Vol. 29. No. 4. P. 326–343. DOI: 10.1080/09620214.2020.1728362
45. Pechar H., Andres L. Higher-education policies and welfare regimes: International comparative perspectives. *Higher Education Policy*. 2011. Vol. 24. No. 1. P. 25–52. DOI: 10.1057/hep.2010.24
46. Peter T., Edgerton J., Roberts L. Welfare regimes and educational inequality: a cross-national exploration. *International studies in Sociology of Education*. 2010. Vol. 20. No. 3. P. 241–264. DOI: 10.1080/09620214.2010.516111
47. Prakhov I., Yudkevich M. University admission in Russia: Do the wealthier benefit from standardized exams? *International Journal of Educational Development*. 2019. Vol. 65. P. 98–105. DOI: 10.1016/j.ijedudev.2017.08.007
48. Raitano M. Intergenerational transmission of inequalities in Southern European countries in comparative perspective: Evidence from EU-SILC 2011. *European Journal of Social Security*. 2015. Vol. 17. No. 2. P. 292–314. DOI: 10.1177/138826271501700208
49. Remington T. F., Marques I. The reform of skill formation in Russia: Regional responses. *Europe-Asia Studies*. 2020. Vol. 72. No. 7. P. 1125–1152. DOI: 10.1080/09668136.2020.1717447
50. Salmi J., D'Addio A. Policies for achieving inclusion in higher education. *Policy Reviews in Higher Education*. 2021. Vol. 5. No. 1. P. 47–72. DOI: 10.1080/23322969.2020.1835529
51. Schofer E., Ramirez F., Meyer J. The societal consequences of higher education. *Sociology of Education*. 2021. Vol. 94. No. 1. P. 1–19. DOI: 10.1177/0038040720942912
52. Schulze-Cleven T. Organizing Competition: Regulatory Welfare States in Higher Education. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2020. Vol. 691. No. 1. P. 276–294. DOI: 10.1177/0002716220965891
53. Shibanova E., Malinovskiy S. Higher education in Soviet and Russian welfare states: hybridization, continuity and change. *European Journal of Higher Education*. 2021. Vol. 11. No. 3. P. 273–291. DOI: 10.1080/21568235.2021.1945475
54. Stevens M., Shibanova E. Varieties of state commitment to higher education since 1945: Toward a comparative-historical social science of postsecondary expansion. *European Journal of Higher Education*. 2021. Vol. 11. No. 3. P. 219–238. DOI: 10.1080/21568235.2021.1944252
55. Trow M. *Twentieth-century higher education: Elite to mass to universal*. Ed. By M. Burrage. Baltimore: JHU Press, 2010. 640 p.
56. West A., Nikolai R. Welfare regimes and education regimes: Equality of opportunity and expenditure in the EU (and US). *Journal of Social Policy*. 2013. Vol. 42. No. 3. P. 469–493. DOI: 10.1017/S0047279412001043

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey S. Malinovskiy — Candidate of Political Sciences, Deputy Head, Laboratory for University Development, HSE University.

Phone: +7 (495) 772-95-90, ext. 22296. **Email:** smalinovskiy@hse.ru

Ekaterina Yu. Shibanova — Junior Research Fellow, Laboratory for University Development, HSE University. **Phone:** +7 (495) 772-95-90, ext. 22126.

Email: eshibanova@hse.ru

Received: 23.08.2021.
